

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1.....	8
Глава 2.....	24
Глава 3.....	40
Глава 4.....	60
Глава 5.....	77
Глава 6.....	93
Глава 7.....	107
Глава 8.....	122
Глава 9.....	138
Глава 10.....	153
Глава 11.....	168
Глава 12.....	188
Глава 13.....	205
Глава 14.....	222
Глава 15.....	243
Глава 16.....	259
Глава 17.....	279
Глава 18.....	297
Глава 19.....	314
Глава 20.....	332

*Не вернувшись из полёта
посвящается!*

Пролог

Садиться пришлось на реку, практически рядом с Богоявленским собором. Никакой плотины и разливов здесь нет, речное русло, и не сказать, что широкое, но для посадки моему самолёту места достаточно. Главное, чтобы поверхность льда была ровная.

Снизился, прошёл над верхушками деревьев, разогнал печные дымы, распугал ворон, заставил прохожих задрать головы вверх, выполнил проход вдоль набережной. Развернулся и совершил мягкую посадку прямо на лёд. Ну а что, не в центре же на улицу садиться? Пусть её и расчистили для нас, и места для самолёта достаточно, но зевак там столько, что о безопасной посадке можно было сразу забыть. Нет уж, лучше на реку приземлиться.

Тем более что посмотрел я на эту реку, заломов и торосов нет, прорубей не видно, мостков на берегу тоже не заметил. В общем, сел и сел. Скорость на посадке погасил до минимально возможной, чтобы максимально сократить пробег, притёр лыжи к снегу и покатился как раз по

направлению к собору. Напротив него и решил остановиться. Берег тут невысокий, хотя чуть в стороне, где покруче будет, ребятишки на ледянках кататься умудряются, накатанные полogie дорожки там хорошо видны. Вон, пацанята наверху замерли, на нас во все глаза глядят.

Ткнулся носом в берег, под самым собором и подальше, кстати, от того места, где ребятишки с горки катаются, заглушил мотор, перекрыл подачу топлива и обесточил, отключил электропитание. Глянул на замершего в оцепенении Второва — это же у него первая посадка! То-то он в ступоре находится. Ничего, обвыкнется. Освободил Николая Александровича от ремней, освободился сам. Как раз и пассажир в себя приходиться начал.

— Николай Дмитриевич, честно скажу, многое довелось на своём веку испытать. И плохое было, и хорошее. Но это вообще нечто! У меня даже слов не хватает, чтобы свой восторг описать, — повернул ко мне бледное до синевы лицо компаньон. А глаза-то, глаза! Горят ярким лихорадочным блеском.

— Понравилось? — снисходительно улыбаюсь и вспоминаю свой первый самостоятельный вылет. Восторгов тогда было ого-го сколько. Так что я Николая Александровича сейчас прекрасно понимаю.

— Не то слово! — Краска медленно возвращается на лицо Николая Александровича. Губы розовесть начали. — Расскажу домашним, так не поверят же.

Потом выбрались наружу, тут пришлось помогать компаньону вывалиться из кабины и спрыгнуть на снег. Стремянки нет, а он, как я уже говорил, в этой своей шубе очень уж неповоротлив. Захлопнули дверцы, вскарабкались по склону на набережную, осмотрелись и принялись дожидаться властей. То, что они придут, сомнений не вызывало, видел же я в центре города приличное скопление народа...

Глава 1

Николай Александрович Второв, известный русский меценат и промышленник, объявился у меня на пороге ранним морозным утром. Ещё солнце на востоке горизонт не окрасило, а он уже в двери моего домика стучится.

— Входите, Николай Александрович, — отодвинулся в сторону, освобождая проход в дом. Пассажир мой мало того, что на шар похож в своих меховых одеждах, так ещё и в каждой руке по пухлому саквяжу держит. Если бы не отодвинулся, он бы и не протиснулся мимо меня.

— Что ж вы так грохочете, Николай Александрович? Дверь вынесете и всю школу на ноги поставите, — улыбнулся раннему гостю.

— Ничего с вашей дверью не будет. А школа ваша... Кто рано встаёт, тому Бог подаёт, — не остался в долгу Второв, отшутился и перешагнул порог. Постарался на него не наступить, старательно вытянул голову вперёд, даже наклонился, насколько ему шуба и роскошный широкий воротник позволили, чтобы видеть, на что ступает.

Поймал мой любопытный взгляд, объяснил:

— Примета плохая, на порог наступать, — стянул с головы меховую пушистую шапку и напористо заговорил: — А вы почему не готовы, Николай Александрович? Или из-за выпавшего за ночь снега у нас всё отменяется?

Закрыл за ним дверь — нечего тепло выпускать, улыбнулся, поздоровался и озадачил встречным вопросом:

— Завтракали?

— Признаться, не успел, — с любопытством оглядывался ранний гость. Особое внимание уделил моей лётной экипировке. — Торопился. Вы же сказали, к утру приехать, вот я и приехал. Так что? Летим или не летим?

— Летим, летим, — успокоил насторожившегося компаньона. — Всё правильно, зимний день короткий, нам с вами медлить никак нельзя. Скидывайте вашу шубу и проходите, сейчас с вами завтракать будем. На голодный желудок лететь последнее дело.

Второв обернулся, глянул на меня и с изрядным скепсисом в голосе протянул:

— Думаете? Мои хорошие знакомые, между прочим, тоже воздухоплаватели, настойчиво мне рекомендовали подниматься в воздух на голодный желудок.

Я только весело хмыкнул, отвечать некогда было, завтрак сам себя не приготовит. Это не отцовы хоромы, здесь кухарок с гувернантками нет. И не заводская столовая, тут приходится самому у плиты стоять.

Николай Александрович на мой хмык тут же добавил:

— Мол, мутить на воздушных ухабах меньше будет. Это так? Странно, какие могут быть ухабы в воздухе?

— Да чушь полная, — отмахнулся. И переиначил известную пословицу на свой лад: — Сытое брюхо к болтанке глухо. И не ухабы то вовсе, а болтанка. Объяснять долго, но ничего страшного в том нет, обычные погодные образования. Да вы скоро на себе прочувствуете, что это такое. Так что не стесняйтесь, любезный компаньон, смело завтракайте. Кстати, вам удалось договориться о заправке в Вышнем Волочке?

— Да, — присел к столу Второв, потёр ладони одну о другую, оглядел скромный завтрак и повторил: — Да! Удалось вчера связаться с полицмейстером и городским головой Вышнего Волочка по телеграфу. Нас будут ждать с утра, подготовят и расчистят от снега подходящую площадку в центре города, обозначат её кострами. Приготовят и обед, и бензин. И я ещё вчера распоряжение дал своим помощникам связаться с журналистами здесь, в столице, и в Москве, так что готовьтесь, Николай Дмитриевич, к пристальному вниманию со стороны прессы. И ещё одно. Пришлось пообещать, что в Волочке мы с вами немного задержимся и пообедаем в доме головы. Они там торжественный приём в нашу честь готовят, отказаться никак не возможно было.

— Да я-то не против хорошего обеда, но вам же вроде бы как вечером обязательно в Мо-

скве нужно быть? — согласился с задержкой, но на всякий случай уточнил.

— Но мы же успеем до вечера на место прибыть? — беспокоился Второв и даже замер в ожидании моего ответа, отложил вилку.

— Смотри насколько обед затянется, — пожал плечами. Увидел непонимание в глазах компаньона и объяснил: — Зима. Темнеет рано. Светлого времени суток всего ничего. Можем не успеть до наступления сумерек добраться до места. Так что по темноте в Москву не полечу, не желаю рисковать вашей и своей жизнью.

— А почему? — осторожно подхватил вилку Второв, подхватил очередной кусочек мяса и снова замер. — В чём именно риск заключается?

— А как в темноте садиться? И куда? Не видно же ничего, — ещё раз пожал плечами. — Если и не врежемся при заходе на посадку во что-нибудь, то приложиться о землю можем так, что только брызги от нас останутся.

— Умеете вы, Николай Дмитриевич, успокоить. Я уже подумываю, а не отказаться ли мне от вашего предложения? Бог с ней, со встречей этой. Миллионом больше, миллионом меньше, для меня это уже не критично. Кстати, а если костры на земле зажечь? — предложил Николай Александрович.

— В Москве? — улыбнулся я. Соображает промышленник, вот что значит светлый ум. И принялся объяснять: — Это в Волочке костры углядеть можно, потому что сам городишко

маленький, любой огонёк издалека видно. А Москва совсем другое дело. Город огромный, огней всяких в нём будет много, затеряются среди них ваши костры. Нет, по светлому времени полетим, другого варианта пока не вижу.

— Так вы же знать будете, куда именно, в какой район города мне нужно, — не согласился Второв. — Там и будете искать нужные нам огни. Из Волочка телеграфирую, они там всё и подготовят к нашему приезду.

— К прилёту, — поправил Второва. — Николай Александрович, положитесь на мой опыт. Если я говорю, что в тёмное время мы с вами внизу ничего найти не сумеем, значит, так оно и есть. Поэтому если не хотите заночевать в Волочке и пропустить вашу важную встречу, то постарайтесь сделать так, чтобы надолго с обедом не затягивать. Хорошо?

— Хорошо, — не стал спорить Второв и согласился. — Я вас понял. Так и сделаю.

Завтрак получился сытным, ну так ведь и лететь нам предстоит не летом, а зимой, когда за бортом ощутимый минус будет. Поэтому и шуба на Второве толстая, и шапка меховая и пушистая, и даже валенки, а не сапоги на ногах. Ну и я в зимнем комбинезоне и в тёплой меховой куртке. Зачем изобретать что-то новое, если и старое работает вполне надёжно. А ещё оно проверено временем. Правда, в моём мире, но от этого факта хуже уж точно не стало.

Так что в нашем пошивочном цехе на Путиловском заводе шьют не только парашюты

господина Котельникова, но и вот такую замечательную одежду для авиаторов по моему проекту. Правда, пока в единичных экземплярах, потому как спроса особого нет.

Правду сказать, инструктор в школе один, поэтому господа курсанты косятся на меня, удивляются необычного вида одежде, но пока предпочитают носить своё. Привычка к форме, к погонам и кителям, от неё не так просто избавиться. Вот будущие технические специалисты сразу приняли свои новые комбинезоны на «ура!». После первых же практических работ на авиационной технике поняли их полезность и скупили имеющиеся у нас запасы. А кому не досталось, те заказали. Вот за счёт тех заказов цех и держится. Платить из своего кармана зарплату швеям очень накладно, а тут хоть какая-то окупаемость появилась.

Но и авиация только-только зарождается, и всё ещё у нас впереди. Выпустим первых лётчиков из Гатчинской школы, посадим их на новые самолёты, полетают они в своей форме и быстренько сообразят, что к чему, прибегут за подходящим обмундированием. А дальше всё будет только расширяться, так что нам остаётся просто перетерпеть какое-то время.

Слышно, как за окном просыпается школа, как солдатики вышли на улицу убирать снег с дорожек и плаца. Сегодня полётов нет — я убываю в короткую командировку, для чего начальник школы мне вчера даже подорожную выписал. Я-то поначалу не допетрил, легкомысленно

рукой махнул, мол, туда-сюда по скорому слетаю, обернусь в крайнем случае за два дня и окромя лётного поля вряд ли что-то ещё увижу, но моему непосредственному командиру, Александру Матвеевичу Кованько, показались неубедительными мои заверения и отговорки. И он распорядился через строевой отдел снабдить меня всеми нужными для путешествия бумагами.

— Николай Дмитриевич, вы ещё очень молоды и жизненного опыта у вас, уж прошу меня извинить за подобную сентенцию, кот наплакал. Вы из столицы в другой город направляетесь, значит положено снабдить вас подорожной. Зачем? А если, не дай бог, что-то в пути случится? Что тогда? Нет, без подорожных документов в любом случае вам никак не обойтись. Так что рукой не машите и вид лихой не делайте, а извольте пройти в строевую часть и немедленно получить соответствующую бумагу. И по возвращении не забудьте доложить. Вам всё понятно? Вопросы есть? Нет? Тогда я вас больше не смею задерживать. Ступайте, голубчик.

Кованько улыбнулся мне на прощание, огладил свою шикарную бороду и сделал вид, что уже и забыл о моём присутствии, уселся за стол и нарочито демонстративно углубился в изучение каких-то бумаг.

Вышел из кабинета, помотал головой — как хорошо, что я в своё время настоял на его кандидатуре в назначении на должность начальника Гатчинской авиационной школы. Столько забот тем самым переложил со своих на его плечи, уму

непостижимо. А ведь государь надумал именно меня этой должностью изначально озадачить, да я вовремя сообразил, чем мне всё это может грозить, и подсуетился с инициативой. И не пожалел о том ни разу...

— О чём задумались, Николай Дмитриевич? — окликнул меня Второв, путаясь на крылечке валенками в длинных полах своей роскошной шубы.

— Да что-то воспоминания одолели, Николай Александрович, — не стал скрывать истинной причины своей секундной задержки. Закрыв дверь на замок, ключ пристроил за верхний наличник. Воров тут нет, да и воровать у меня нечего. Из мебели лишь самое необходимое, имущества раз-два и обчёлся. Нигде не могу обжиться, не успеваю, сундук из дома в дом перевожу, вот и вся моя мебель.

— Ну, какие у вас в столь молодом возрасте могут быть воспоминания? — всплеснул руками Николай Александрович. Точнее, попытался это сделать, да шикарная шуба не позволила поднять руки. — О нашем общем деле лучше бы подумали, как раз в Москве я ваши новые идеи и выслушал бы с удовольствием.

— Подумаю, — улыбнулся я.

И сбежал с заснеженного крылечка. Почистить бы его, да мне по статусу не положено. Приходится ждать, когда солдатики до моего дома доберутся. Но их у нас в школе немного, а работы по уборке снега в этом году привалило столько, что ого-го. Вот они и не справляются...

Утренний морозец прихватил щёки, стянул губы и продолжать разговор ни у меня, ни у моего напарника и компаньона никакого желания не было. Так в полном молчании и потопали к ангару по снежной целине, «потропляя заметенный след» и заново прокладывая самую короткую тропу на стоянку.

Ну а пока шли, вспоминал. Это болтать по морозу нежелательно, а вспоминать можно. Два года назад в своём мире я погиб, разбился на самолёте, и очнулся уже здесь, в теле молоденького парнишки, княжича. Сам факт «попадания» воспринял более или менее спокойно, начитался тогда вдоволь соответствующей литературы. Ну, попал и попал, чего уж теперь? Зато есть отличный шанс прожить ещё одну жизнь. Ведь накопленные мной в той жизни знания никуда не делись и остались со мной. Ну а поскольку на дворе был самый конец девятнадцатого века, то знания эти могли сослужить мне неплохую службу. Ну и не только мне лично, но и стране в целом. Так и вышло.

Нет, никуда я не побежал, не стал налево и направо выпячивать свои знания, не бросился в Зимний доказывать государю свою значимость и полезность, всё равно бы никто не стал меня слушать, несмотря на высокий титул моего отца. Ну, князь. И что? Князей в Империи много, тут кое-что более весомое нужно, чтобы тебя слышали.

Вот я и стал делать то, в чём хорошо разбираюсь. Приступил для начала к постройке про-

стейшего планера. Удачно. Впрочем, в успехе я и не сомневался, чего не сказать об окружающих меня людях. Никто кроме меня в успешное воплощение моей придумки не верил. Тем приятнее было увидеть после первого полёта их ошарашенные физиономии. Так я потихонечку начал нарабатывать авторитет...

Потом воспользовался отсутствием в усадьбе отца и раскурочил батюшкин автомобиль — мотор мне понадобился. Мотор, какое громкое название для агрегата, кое-как выдающего чуть больше одной лошадиной силы. Но мне, а точнее новому самолётику, и этого хватило, и второе моё изделие полетело не по воле стихии, а подчиняясь усилиям тянущего пропеллера.

Это был второй раз, когда на меня снова обратили внимание. Мало того, в местной газетке появилась обширная статья о необычном летательном аппарате и его изобретателе. Сенсация же по нынешним временам.

Ну а дальше оставалось держать марку и успевать крутиться, что я благополучно и делал. Первый перелёт из Пскова в столицу, в Питер, пристальное внимание прессы и публики, жадной до невиданных доселе развлечений, — пришлось на потеху зевакам простейший пилотаж показать, не без этого.

Ну и, в конце концов, привлёк внимание правящей элиты и самого государя. Дальше пошло-поехало. Был оправданный риск, немного актёрского мастерства и закономерный гарантированный успех в итоге. Которого не удалось бы

добиться без соответствующих знаний. Знаний, которых пока ещё ни у кого здесь нет. Это аэродинамика, эксплуатация и конструкция самолётов и двигателей, самолётовождение. Плюс боевое применение. Показал на Лужском полигоне, на что может быть способна авиация, удивил местное высокое начальство точным бомбометанием. Учили-то нас на совесть.

Так что блеснул знаниями, блеснул. На этот блеск из Москвы даже сам будущий отец русской авиации приехал, профессор Жуковский. Общий язык нашли с ним с ходу. Понравился я ему настолько, что он мне в несуществующую пока зачётку сплошные оценки «отлично» поставил. Шучу, конечно, но посодействовал профессор в получении диплома экстерном, надавил авторитетом, огромное ему спасибо. Так что и в этом мне повезло.

Благоволение императора и других значимых персон Империи поспособствовало примирению в семье. В первое время ну никак не мог ужиться с мачехой. Или она со мной не уживалась, кому как нравится. А тут всё хорошо стало, даже жизнь наладилась.

На Путиловском заводе стал выпускать свои самолёты. И дело потихоньку пошло, пошло. Пришлось оформлять предприятие на отца, сам-то я ещё несовершеннолетний, но вся работа лежала на мне одном. Тянул, куда я денусь. Нужно и самому приподняться, и страну вывести в число первых своими изобретениями. Такая вот у меня амбициозная задача.